

32 фуэте Лидии Крупениной

Сегодня те, кому повезло «достать» билеты на «Дон-Кихота» (а теперь уже так разрешается эта проблема у касс музкомедии и драмтеатра) встречаются со своими давними знакомыми — народной артисткой РСФСР Лидией Крупениной и ее неизменным партнером Юрием Гревцовым. Этот блестательный балетный дуэт так привычен и любим иркутянам, что в разговоре о них уже не вспоминают даты их гастролей, а говорят о Джельете и Ромео, Жизели и Альберте, Одете и принце, Китри и Базilio.

— Какая она, моя Китри? — танцовщица на мгновение замирает в той позе, в какой ее застал вопрос и потом продолжая «разминку» — наклоны, повороты, броски ноги, говорит, почти поет: — Это огонь, любовь к жизни, постоянное движение, это смех и радость, радость через край. Я люблю ее, мою Китри. Валентин Дмитриевич, дайте из-за такта. И раз...

Лидия Ивановна вскидывает

голову, призывая «Вот смотри-те!» И вдруг летит легко, грациозно. Летят по классу искрящимися горошинами отточенные нотки, перестукиваются по деревянному полу пуанты. Руки, ноги, все тело балерины поет восторженный гимн. Глаз улавливает фарфоровую утонченность поз, графическую легкость линий. И вдруг повороты, раз, два, три... Сбиваешься со счета. В движениях танцовщицы восторг, упоение, радость, радость, радость. Заключительный аккорд. И ладони сами тянутся друг к другу для аплодисментов. Прекрасно! 32 фуэте! Лидия Ивановна счастливо улыбается: «Вот она, моя Китри!»

О Крупениной писали: «Полетность прыжка, поющая мягкость линий, блестательные фуэте, вырвузная легкость, поэтичность танца — все это делает ее неповторимой». Откуда это? Работа и еще раз работа. Я сижу на репетиции в танцзале и передо мной одни за другим проходят куски из «Дон-

Кихота». И вот чудо — рабочие трико превращаются в пестрые испанские наряды, вместо фортепианных пассажей звучат кастаньеты. Севилья врывается в старый репетиционный класс. Снова и спаса команды концертмейстеру: «Валентин Дмитриевич, подойдите ко второй вариации...» И снова в прыжках, поддержках, пируэтах, фуэте оттачивается «своя», крупенинская — гревцовская линия танца. А потом мы сидим в залитом солнцем классе и «остываем» — они от танца, я от сопреживания с ними. И говорим о любимых балетах — «Лебединое», «Спящая», «Раймонда», «Жизель».

И уже при прощании Лидия Ивановна говорит: «А все-таки «Дон-Кихота» я люблю больше всего». И снова улыбается, как Китри, с хитринкой и радостью.

Б. БАКУН.

Документальный материал, 1972